

ГРАЖДАНСТВО В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ТЮМЕНИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ТРЕНДОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Вячеслав Викторович Маленков,

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия,
vvmalenkov@gmail.com

Получена 17.07.2023.

Поступила после рецензирования 30.11.2023.

Принята к публикации 25.12.2023.

Для цитирования: Маленков В. В. Гражданство в представлениях студенческой молодежи Тюмени: результаты трендового исследования // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 1. С. 172–188. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_1_172

Аннотация

Статья посвящена изучению смыслов понятия «гражданство» и их репрезентации в повседневных социальных представлениях. В первой части обозначены контуры дискурсивного пространства, в рамках которого определяется и переопределяется данный концепт, раскрывается его многозначность, полисемичность, многослойность. Во второй части статьи предпринимается попытка описания социальных представлений о гражданстве как характеризующих некоторые ключевые параметры сложившегося в стране режима гражданства. В качестве объекта эмпирических исследований выступает студенческая молодежь Тюмени. Автор использует стратегию комбинирования качественных и количественных методов. По результатам применения метода свободных ассоциаций ($n = 206$) делается вывод о слабой репрезентации данного понятия в сознании респондентов, выраженной в неспособности выстроить минимальный ассоциативный ряд, превалировании формальных значений. Такая ситуация тем более парадоксальна с учетом наличия у более половины участников эксперимента опыта сдачи ЕГЭ по предмету «Обществознание». Количественный

© Маленков В. В., 2024

подход реализован посредством двух анкетных опросов, проведенных в ноябре-декабре 2019 года ($n = 577$) и феврале-марте 2023 года ($n = 554$). Наряду с другими вопросами в анкете присутствовал список ассоциаций, из которых респонденты выбирали наиболее подходящие к «гражданству». Анализ частотных таблиц позволил выделить ядро и периферию представлений. По результатам анализа зафиксирована значительная актуализация одних ассоциаций (соответствующих вертикальной модели гражданства) и незначительная деактуализация других, имеющих либеральный подтекст. С помощью анализа латентных классов автор выделил и описал отдельные кластеры с различающейся структурой представлений об изучаемом феномене. Многомерный подход также позволил выявить некоторое уменьшение доли респондентов с преимущественно формальными представлениями о гражданстве в пользу содержательных (выросла с 44 % до 56 %).

Ключевые слова:

гражданство, дискурс, социальные представления, ассоциации, гражданственность, патриотизм

UDC 342.71

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_1_172

CITIZENSHIP IN THE IDEAS OF TYUMEN STUDENTS: THE RESULTS OF A TREND STUDY

Vyacheslav V. Malenkov,

Tyumen State University,
Tyumen, Russia,
vvmalenkov@gmail.com

Received 17.07.2023.

Revised 30.11.2023.

Accepted 25.12.2023.

For citation: Malenkov, V.V. (2024) Citizenship in the ideas of Tyumen students: the results of a trend study. *Discourse-P*, 21(1), 172-188. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_1_172

Abstract

The article discusses the concept of *citizenship* and its social representations in everyday life. In the first part, the author outlines the discursive space, within which this concept is defined; he considers its ambiguity and multiple meanings. In the second part, he describes social representations of *citizenship* characterizing key parameters

of the contemporary citizenship regime in the country. The students of Tyumen became an object of his empirical research. The author used a strategy of combining both qualitative and quantitative methods. Based on free associations interviews (n = 206), a conclusion was reached that the respondents share a rather vague conception of citizenship, which expresses itself in difficulties with building minimum of associative series; formal meanings always prevail. This situation becomes even more paradoxical given that more than a half of participants of the experiment have passed the Unified State Exam in Social Studies. The quantitative approach was implemented through two questionnaire surveys conducted in November-December 2019 (n = 577) and February-March 2023 (n = 554). Along with other questions, these questionnaires included a list of associations to choose from, which were the most suitable for describing *citizenship*. The analysis of the frequency tables helped the author to identify the core and the periphery of these representations. According to the results, there was a significant actualization of some associations (corresponding to the vertical model of citizenship) and a slight deactualization of others with a liberal subtext. Using the analysis of latent classes, the author identified and described individual clusters with a different structure of ideas concerning the phenomenon under study. The multidimensional approach revealed a slight decrease in the proportion of respondents sharing predominantly formal ideas concerning citizenship in favour of meaningful ideas (increased from 44% to 56%).

Keywords:

citizenship, discourse, social representations, associations, civicism, patriotism

Гражданство в сегодняшнем мире – не просто формальная принадлежность к государству, это комплекс ключевых принципов и ценностей, несущих мощный заряд социальной энергии, один из базовых институтов современных обществ, определяющий качественные параметры социально-политических систем. Его актуализация на Западе приходится на конец 1980-х – начало 1990-х гг. после некоторого падения интереса. Гражданская ответственность, гражданская миссия, гражданское действие, гражданское служение – категории, расширяющие идею гражданства, стали частью жизни многих современных людей во всем мире.

Сегодня вряд ли можно утверждать, что гражданство как на уровне активности, так и особенно на ценностном уровне занимает достойное место в жизни нашей страны. Более востребованным в последние два десятилетия является патриотизм, ставший одним из базовых понятий в российском политическом словаре, важной частью политики идентичности. Он фактически сосредоточил на себе множество идей и практик, для обозначения которых в публичном дискурсе других стран используют понятие «гражданство» и производные от него.

Вместе с тем, в последнее время, по крайней мере на декларативном уровне, гражданство и близкие к нему понятия получили некоторый импульс развития. Так, в 2020 г. в закон «Об образовании» была внесена поправка, в которой говорится, что «воспитание – деятельность, направленная на...

формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности...»¹. Аналогичные целевые установки содержат образовательные стандарты, в которых подчеркивается необходимость акцентировать внимание на гражданской идентичности, компетентности и других важных составляющих гражданства. В этом контексте некоторый трансфер понятия из академической и экспертной среды в повседневную политическую повестку, а также перестроение его из формально-юридической плоскости в нормативно-ценностную, является на сегодняшний день актуальной задачей.

Цель данной статьи – описать структуру и динамику представлений студенческой молодежи Тюмени о гражданстве как о понятии, характеризующего некоторые ключевые элементы сложившегося в стране режима гражданства, репрезентируемого в преобладающем политическом дискурсе.

Элементы дискурсивного поля гражданства

По сложившейся традиции следует отметить, что концепт «гражданство», несмотря на свою долгую историю, является спорным, многозначным, многослойным, полисемичным. Это далеко не полный перечень свойств, характеризующих наличие множества концепций и подходов в определении гражданства.

Гражданство можно представить как некоторое означающее, маркирующее широкий спектр означаемого, знак, содержащий множество постоянно оспариваемых в процессе артикуляции значений. В эссенциалистской логике гражданство представляется как некоторая данность, что-то сложившееся, сформировавшееся, объективированное. Отсюда характерное для многих концепций стремление найти нечто общее, закономерное в этом явлении, понять его фундаментальную структуру, свойства целого и отдельных элементов. В таком подходе четко проявляется эволюционизм, подчеркивание исторической обусловленности, поиск и концептуальное определение «сложившихся» исторических типов – от античных образцов до современных. Часто в этом контексте гражданство не только противопоставляется подданству, но и выступает как некий образец цивилизованности, демократичности и одновременно антипод всему устаревшему в политико-правовой сфере общества.

Довольно распространено, в том числе в российской литературе, понимание гражданства как феномена западной цивилизации (Максимова, 2017; Фан, 2017). Отсюда попытки осмыслить западную модель с точки зрения возможностей ее адаптации в условиях России (Фан, 2019), в частности, с позиции

¹ Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2012 года (№ 273-ФЗ, ред. от 08.12.2020) (Россия). Взято 19 июля 2023, с https://www.ya-roditel.ru/parents/i-have-the-right/docs-right/%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%20%D0%9E%D0%B120%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8%20%D0%BE%D1%82%2029_12_2012%20N%20273-%D0%A4%D0%97%20%D1%80%D0%B5%D0%B4.%2008.12.20.pdf

ограничений – описания доминирующей противоположной модели взаимодействия человека и государства (Фан, 2018; Щербинин, 1997). Наряду с этим постоянно предпринимаются попытки выделить национально-исторические типы гражданства, в том числе посредством изучения доминирующих социальных представлений о нем (Conover et al., 1991). В этом же ключе продолжается поиск основных элементов, составляющих некоторое аксиоматическое ядро гражданства. К ним можно отнести статус, членство, гражданские права, гражданские обязанности, гражданскую идентичность, гражданское участие (Delanty, 1997; Isin, Turner, 2007; Isin, 2009; Joppke, 2007).

О. Ю. Малинова выделяет три тесно взаимодействующих фокуса анализа гражданства: гражданство как правовой статус, устойчивая правовая связь между индивидом и государством; гражданство как совокупность институционализированных социальных практик, прежде всего - участия в общественной жизни, в том числе в качестве члена различных организаций, ассоциаций; гражданство как идентичность, связанная с членством в макрополитическом сообществе (Малинова, 2004, с. 8). Аналогично, В. С. Малахов пишет о двух измерениях – статусе и идентичности. Первое предполагает определенные права, характеристику положения индивида по отношению к государству. Идентичность же он определяет как членство в (политическом) сообществе, что предполагает участие в жизни «гражданского общества» и обязательства перед воображаемым политическим целым, именуемым «нацией» (Малахов, 2013b, с. 42).

Действительно, трудно оспаривать объективный характер большинства из выделенных элементов. Связь человека с государством подтверждается документально, права и обязанности закреплены в нормативных актах. Однако эти же аспекты имеют гораздо более широкий спектр означаемого далеко не столь определенного – связь человека с государством не ограничивается паспортом, а права и обязанности не сводятся к их формальной трактовке. Все это находится в обширной области дискурсивности, что характеризует гражданство как конструируемый феномен, подчеркивает его полисемичность.

Помимо противопоставления как стратегии репрезентации, гражданство раскрывается через идентификацию с другими объектами и концептами. Например, несмотря на некоторое доминирование «государства» в определенном сегменте идентификации, «общество» и «нация» также могут занимать в этой части конструкции значимое место. С одной стороны, данные понятия как бы конкурируют между собой за положение в структуре означаемого, с другой – сосуществуют, образуя особые комбинации гражданства, в чем и проявляется многослойность данного феномена (Yuval-Davis, 1999). При этом в каждом конкретном случае они могут дифференцироваться, например, как это продемонстрировали О. Ю. Малинова и В. С. Малахов, обозначая отношение индивида с государством как «связь» или «положение», а с макрополитическим сообществом (нацией) – как «членство». К тому же в первом случае имеет место юридический характер отношений, а во втором – скорее, политический.

«Гражданство» и производные от него понятия могут трансформироваться в смысловом плане. «Общество граждан», «нация граждан», «государство для

граждан» вызывает положительные ассоциации с народным суверенитетом, демократией, политическими правами и свободами. Использование прилагательного «гражданский» выполняет не только функцию означивания, отсылая к сфере гражданских институтов («гражданское общество», «гражданская нация» и т.п.), но и имеет явно выраженный нормативный подтекст. Однако в другом контексте данное прилагательное является лишь способом классификации, переопределяющим что-то как гражданское – ценности, идентичность, участие. В этом случае гражданское вступает во взаимодействие с чем-то другим внутри определенной сферы, принимающее в том числе характер конкуренции, например: гражданские ценности – с гедонизмом, гражданская и национальная идентичность – с этнической, традиционное политическое участие – с новыми формами гражданского активизма.

Наконец, полисемичность понятия явно проявляется в ситуации, когда новые значения появляются вследствие диффузии, когда происходит открытие либо актуализация какого-то аспекта гражданства, сопряженное с синтезом какого-то значимого аспекта социальной реальности, повесткой, в результате чего образуется некоторая гибридная форма, например, гендерное гражданство, квир-гражданство, экогражданство, DIY-гражданство.

Гражданство в России: от дискурса к формированию социальных представлений

Репрезентация гражданства в дискурсе очень зависит от типа политической системы, доминирующих форм политических отношений, которые в том или ином виде представлены в разных странах – это формирует режимы гражданства. Базовым для существующего в России в настоящее время гибридного режима гражданства является советский тип, характеризующийся как авторитарно-социалистический (Март, 1987, с. 349), смешанный с патриомониальным и неолиберальным (Малахов, 2013а, с. 16; Русакова, Хмелинин, 2012).

Гражданство занимает периферийное положение в социальной системе и общественно-политическом дискурсе России. Чаще всего использование данного термина в публичном пространстве имеет сугубо формальный характер, например, как способ обращения к жителям страны, оно лишено ценностной нагрузки, не апеллирует к соответствующим идеям, образам, доминирует номенклатурно-бюрократический стиль. Аспекты социальной реальности и ее идеальные контексты, обычно описываемые категориями «гражданство» и «гражданственность», часто соединяются с понятием «патриотизм» или воплощаются в гибридной связке «гражданин-патриот» с акцентом на вторую составляющую (Маленков, 2022; Krupets et al., 2017, p. 262).

Смешение гражданства и патриотизма активно используется в стратегии внутреннего и внешнего брендинга страны, в частности, публичном освещении случаев получения российского паспорта известными иностранными

гражданами. Один из показательных эпизодов связан со сменой гражданства известным американским спортсменом и актером Дж. Монсоном².

Анализ представлений о гражданстве с опорой на качественный подход применялся автором с 2005 г.: было проведено несколько десятков интервью и фокус-групп, проанализировано более тысячи ответов, описывающих ассоциации, представления разных групп людей (в основном жителей Тюмени) о данном феномене.

В целом подбор ассоциаций к понятию «гражданство» для респондентов довольно затруднителен, о чем свидетельствует всегда ограниченный их список. При этом обычно доминируют формальные характеристики – в основном, констатация факта принадлежности к России (страна, Россия, РФ, паспорт), тогда как содержательные (например, связь человека с государством, совокупность прав и свобод, обязанностей, ответственность), а тем более «ценностно-нагруженные» определения (например, равнодушие, гражданская позиция, гражданское достоинство), встречаются довольно редко.

По сравнению с понятием «патриотизм», которое явно чаще используется в российском публичном дискурсе и входит в ядро современного политического словаря, ассоциативный ряд «гражданства» выглядит ограниченно. Сильная смысловая связь этих двух понятий обнаруживается, когда речь заходит о так называемом «настоящем гражданине». В этом случае гражданин ассоциируется с патриотом, за которым следует множество связанных с этим прилагательных (любящий свою страну, готовый защитить ее, ответственный и др.). Следует отметить, что и характеристики настоящего гражданина часто описываются не как соответствующий ролевой набор, прежде всего политико-правового свойства, а скорее как набор человеческих качеств. И здесь речь идет даже не о таких свойствах, как толерантность, активная жизненная позиция, которые весьма близки к гражданству, а, к примеру, о коммуникабельности (коммуникабельном), доброте (добром) и многих других.

Для иллюстрации представим результаты одного из последних исследований по этой тематике, проведенного автором в период с ноября 2021 по январь 2022 г. В нем участвовали 206 студентов тюменских вузов. В ходе данного исследования использовался метод свободных ассоциаций. Респондентам предлагалось написать в соответствующих полях не менее трех ассоциаций с гражданством³.

При том, что в задании устанавливалась минимальная планка (не менее трех ассоциаций), среднее количество подобранных респондентами ассоциаций, равнялось 1,7. Два варианта ответа указали 37 %, три – 31 %, четыре – всего

² Жуков, В. (2023, 8 июля). Джефф Монсон отверг США. Почему легенда ММА – самый честный патриот России. *РИА Новости. Спорт*. Взято 9 июля 2023, с <https://sport.ria.ru/20230708/monson-1882855274.html>

³ Было дано следующее задание: «Ответьте на вопрос, какие ассоциации и ощущения вызывают у Вас перечисленные слова и словосочетания. Напишите не менее 3 вариантов, которые первыми приходят Вам в голову».

3%. В то же время по остальным восьми понятиям ситуация отличалась на порядок – по всем из них среднее количество было не меньше трех, как и задано в диспозиции опросного инструментария.

В качестве первой ассоциации, связанной с понятием «гражданство», фигурировали, в основном, формальные, номинальные характеристики: Россия, российское (24,8%), Российская Федерация, РФ (24,7%), паспорт, документы (9,3%), страна (7,9%), принадлежность к стране (5,9%), русское (3,5%), родина (2,9%), гражданин (1,9%), ответственность (1,5%), дом (1,5%), государство (1,0%), принадлежность к государству (1,0%), место жительства (1,0%), статус (1,0%), прописка (1,0%), гордость (1,0%). Ответы, встречающиеся в единичном варианте, следующие: брак, вид жительства, восторг, долг, иностранное, переезд, приобщение к стране, скованность, человек, поддержка, «когда государство тебя защищает».

При подборе вторых и третьих ассоциаций тенденция была та же, но при меньшем объеме самих ответов. В этих полях прослеживается связь с более оценочно нагруженными понятиями, тем не менее фигурирующими в единичном варианте, либо повторяющимися максимум два-три раза: бюрократия, героизм, защищенность, интересы, корни, любовь, надежность, нация, обязанность, отвага, патриотизм, самоопределение, семья, Советский Союз, спокойствие, таможня, территория, уважение, флаг, язык.

Профили гражданства: результаты трендового исследования

Количественная методология реализована в двух анкетных опросах, проведенных в ноябре-декабре 2019 г. (n = 577) и феврале-марте 2023 г. (n = 554). Эти исследования полностью сопоставимы, имеют аналогичную структуру выборки, повторяющиеся вопросы. Объектом исследования выступала студенческая молодежь Тюмени. В первом замере содержалось 12 вариантов ответа, во втором – 14. Ограничений по количеству выбираемых вариантов не было установлено.

В основе количественного лежала идея направленных ассоциаций, в частности, методика «вынужденных» ассоциаций (Бовина, 2011, с. 11). Авторский инструментарий фактически выполняет функцию обогащения представлений, является стимульным материалом, попыткой реконструкции дискурса о гражданстве непосредственно в ходе самого процесса опроса в условиях слабой его актуализации в сознании респондентов.

Результаты двух исследований несколько отличаются (таблица 1). По некоторым пунктам они практически не меняются (в пределах 4%). Историю страны, правовой статус, общественные интересы, свободу, государственные интересы ассоциирует с гражданством примерно одинаковая доля респондентов. При этом ряд ассоциаций заметно актуализировались – с народом (+17%), территорией страны (+13%), местом рождения (+16%), этническим происхождением (+6%). В то же время по нескольким пунктам фиксируется заметное уменьшение – уважение личности, человека (–7%), национальная культура (–6%).

Таблица 1 – Как Вы считаете, какие из перечисленных понятий наиболее тесно связаны с понятием «гражданство»? (составлено автором по результатам анкетных опросов)

Table 1 – Which of the following terms is most closely related to the concept of “citizenship”? (compiled by the author based on the results of a survey)

Варианты ответа (ассоциации)	Ноябрь-декабрь, 2019 год		Февраль-март, 2023 год	
	%	Ранг	%	Ранг
Правовой статус гражданина России	61	1	59	2
Люди, народ моей страны	46	2	63	1
Гражданская, социальная активность	–	–	41	5
Уважение личности, человека	37	3	30	6
Территория страны	33	4	46	4
Общественные интересы	32	5	30	7
Место рождения	31	6	47	3
Национальная культура	31	7	25	10
Политический статус	–	–	24	11
Государственные интересы	25	8	29	8
Свобода	25	9	27	9
История страны	19	10	19	13
Этническое происхождение (национальность)	15	11	21	12
Личное благополучие	10	12	10	14

Однако частотные распределения показывают лишь общие тенденции, одномерную картину. С учетом того, что каждый респондент мог выбрать любое количество пунктов, можно зафиксировать повторяющиеся комбинации ответов у разных групп опрошенных. Важно отметить, что именно взаимодействие между собой разных элементов характеризуют особые параметры представлений. Например, если респондент отметил вариант «свобода», это вовсе не означает, что в интерпретации гражданства он придерживается либеральной позиции. Или, к примеру, выбор варианта ответа «правовой статус гражданина России» в качестве единственного, может трактоваться как формальный подход к гражданству «как праву иметь права» (Кимлика, 2010, с. 367), но в совокупности с «уважением личности, человека», «свободой» – вполне вписывается в либеральную модель гражданства.

В этой связи на первом этапе исследования применялись корреляционный и факторный анализ (с учетом типа используемых переменных в обоих случаях применялся коэффициент тетракорической корреляции), которые показали значимую взаимосвязь отдельных пунктов. Например, коэффициент корреляции между «свободой» и «уважением личности, гражданина» достигал 0,67, «национальной культурой» и «историей» – 0,57, «территорией страны» и «местом рождения» – 0,39, что означает совместное указание на эти пункты в качестве атрибутов гражданства.

Наиболее эффективным оказался личностно-ориентированный подход в процессе применения многомерного анализа, с помощью которого выделялись

профили представлений о гражданстве как совокупности устойчивых ассоциативных конструкций (взаимосвязанных наборов ассоциаций) с учетом сложной структуры данного феномена. Для реализации выбранной аналитической стратегии применялся анализ латентных классов (Magidson, Vermunt, 2004), позволяющий выделить кластеры респондентов со схожей структурой ответов (профилей).

Для определения оптимального количества кластеров использовался количественный подход с опорой на информационные критерии и статистику соответствия⁴, а также контроль показателей вероятности отнесения наблюдения к конкретному кластеру. Параллельно проводился качественный анализ выделенных групп.

В результате по обеим выборкам были выделены формальные и содержательные профили. Для удобства они иллюстрированы в соответствующих графиках (рис. 1–4). Первые включают респондентов, в сознании которых доминируют номинальные характеристики гражданства – формально-юридические представления. Для вторых характерно более насыщенное восприятие данного концепта, когда представления о феномене приобретают более сложные политико-идеологические значения и их можно идентифицировать с определенными дискурсами и идеологическими конструкциями. По результатам замера 2019 г. соотношение их в выборке составило 56 % и 44 % в пользу первых, тогда как в 2023 году, наоборот, 44 % и 56 %. Кроме того, в данных 2019 г. было выделено 7 профилей (4 формальных и 3 содержательных), а в данных 2023 г. – 6 (2 формальных и 4 содержательных).

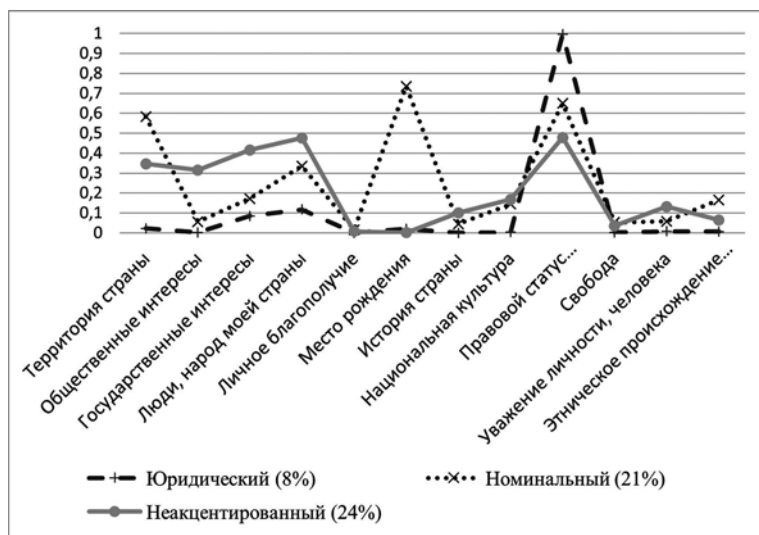

Рисунок 1 – Формальные профили гражданства (составлено автором по результатам анкетного опроса 2019 г.)

Figure 1 – Profiles of formal attributes of citizenship, 2019 (compiled by the author based on the results of a survey)

⁴Рассчитаны в статистическом пакете Latent Gold 6.0.

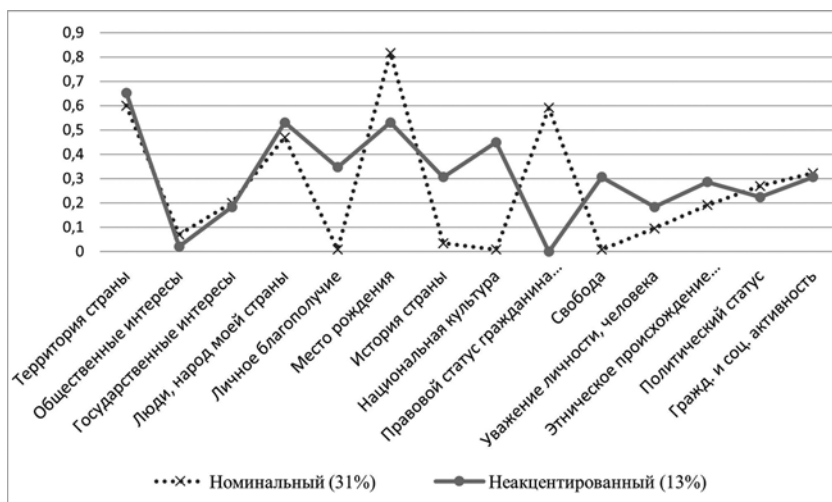

Рисунок 2 – Формальные профили гражданства (составлено автором по результатам анкетного опроса 2023 года)

Figure 2 – Profiles of formal attributes of citizenship, 2023 (compiled by the author based on the results of a survey)

Согласно графику (рис. 1) примерно каждый одиннадцатый студент (8 %) сводил гражданство к чисто юридической его трактовке, к правовому статусу гражданина России (обозначен как *юридический* профиль). В исследовании 2023 г. эта комбинация была значительно ниже уровня статистической достоверности. Вместе с тем, два других формальных профиля присутствуют во всех данных (рис. 2) – при сохранении аналогичной доли в выборке (45 % в обоих исследованиях) наблюдаются некоторые сдвиги, как количественные, так и качественные (изменение структуры каждого из них). Особенно это касается так называемого *неакцентированного* кластера, который не только сократился почти в два раза (с 24 % до 13 %), но и претерпел значительные изменения в структуре, что не помешало ему остаться, в сущности, размытым, слабо дифференцированным. При сравнении данных двух графиков видно, что особенно заметный рост приходится на параметры, которые выросли по выборке в целом. Нельзя не отметить, что при сокращении самого кластера интенсивность ответов несколько увеличилась – с 2,55 до 4,3 в среднем по кластеру.

Профиль, обозначенный как *номинальное* гражданство, сочетает в качестве доминирующих ассоциации с территорией, местом рождения, правовым статусом гражданина России. В обоих замерах он имеет схожую структуру – значимость только одного параметра «люди, народ моей страны» существенно изменилась в большую сторону. В целом релевантность этого образа гражданства несколько выросла – ранее он фиксировался у примерно каждого пятого опрошенного (21 %), а в опросе 2023 г. у практически каждого третьего (31 %).

В обоих замерах обнаружены те, кто выбрали много вариантов, что может свидетельствовать как о реально широком толковании данного феномена, так и об эффекте социальной желательности, сочетающегося с неопределенностью, размытостью представлений. Данный профиль обозначен условно как *универсальный* – его доля выросла с 3 % до 8 %.

Также сохранился *индивидуалистский* профиль (доля кластера увеличилась с 10% до 12%), который характеризуется относительно высокими значениями ассоциаций со свободой и уважением личности, человека и минимальными с государственными и общественными интересами, народом. Во втором замере данные тенденции еще более выражены.

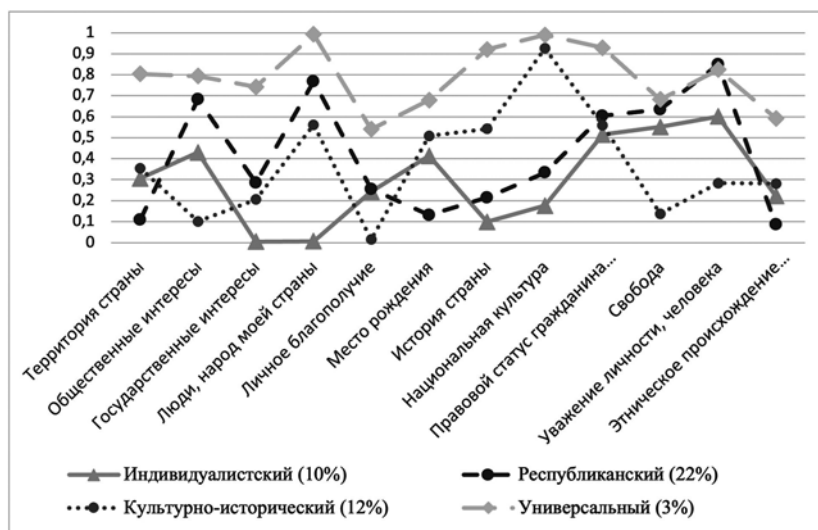

Рисунок 3 – Содержательные профили гражданства (составлено автором на основании анкетного опроса 2019 г.)

Figure 3 – Profiles of meaningful features of citizenship, 2019 (compiled by the author based on the results of a survey)

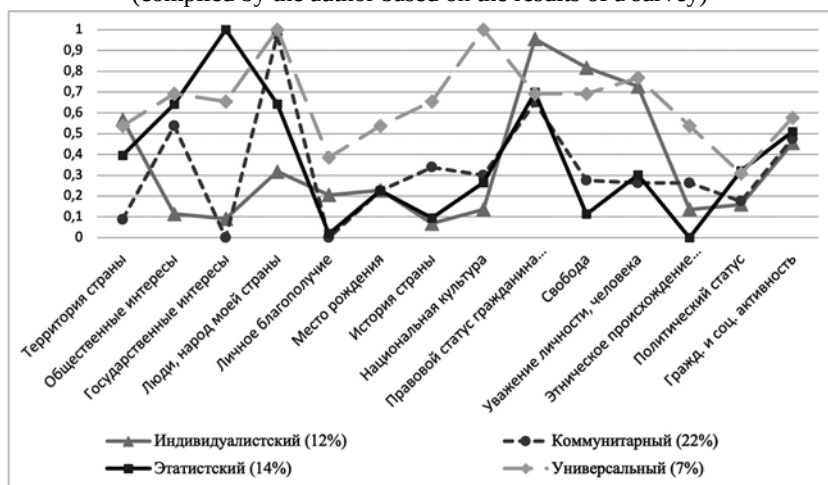

Рисунок 4 – Содержательные профили гражданства (составлено автором на основании анкетного опроса 2023 г.)

Figure 4 – Profiles of meaningful features of citizenship, 2023 (compiled by the author based on the results of a survey)

По результатам обоих исследований четыре кластера имели содержательные признаки (рис. 3, 4). Однако их названия и структура несколько изменились. Следует также сделать оговорку, что названия достаточно условны, не отражают полностью «чистые типы».

В обоих замерах обнаружены те, кто выбрали много вариантов, что может свидетельствовать как о реально широком толковании данного феномена, так и об эффекте социальной желательности, сочетающегося с неопределенностью, размытостью представлений. Данный профиль обозначен условно как *универсальный* – его доля выросла с 3 % до 8 %.

Также сохранился *индивидуалистский* профиль (доля кластера увеличилась с 10 % до 12 %), который характеризуется относительно высокими значениями ассоциаций со свободой и уважением личности, человека и минимальными с государственными и общественными интересами, народом. Во втором замере данные тенденции еще более выражены.

Культурно-исторический профиль гражданства (12 %) наиболее близок к пониманию нации как культурно-исторической общности – особое значение придается национальной культуре, истории страны, принадлежности к народу. В то же время личностные параметры (свобода, уважение личности, человека) имеют самые низкие значения.

Республиканский профиль (22 %) – наиболее плотный и содержательный. В то же время он самый сбалансированный – уважение личности и свобода сочетаются с коммунитарной интерпретацией гражданства, предполагающей тесную связь с макрополитическим сообществом (народом), приоритет общественных интересов над личными.

Эти два профиля (*культурно-исторический* и *республиканский*) проявились только в исследовании 2019 г. Во втором замере весьма четко обозначились *коммунитарный* и *этатистский* профили (рис. 4). В *коммунитарном* профиле (22 %), в отличие от республиканского в предыдущем исследовании, превалирует позиция «люди, народ моей страны», а также существенное место занимают «общественные интересы», в то время как индивидуалистские (либеральные) атрибуты гражданства на минимальном уровне.

Также в последнем опросе проявился *этатистский* профиль (14 %), который также достаточно отчетливо выделяется – все входящие в него выделили в качестве ключевой ассоциации с гражданством «государственные интересы». Следует отметить, что мы сознательно отказались при проектировании анкеты от пункта «государство» в пользу конструкции «государственные интересы», чтобы максимально выразить этатистскую составляющую гражданства, внести элемент дискуссионности, противопоставив им «общественные интересы» как референт коммунитаризма, а «личное благополучие» – как составляющую социального гражданства.

Заключение

С момента первой апробации опросника наблюдается заметная актуализация ряда атрибутов гражданства – связь с народом, территорией страны,

местом рождения, этническим происхождением. По двум пунктам (уважение личности, человека; национальная культура) фиксируется заметное уменьшение упоминаний, а по остальным (история страны, правовой статус, общественные интересы, свобода, государственные интересы) ответы – в пределах 4%. При выделении отдельных ассоциативных профилей становится очевидным, что содержательная их часть выросла не только относительно доли в выборке, но также и структурно, то есть внутри каждого кластера ассоциативный ряд значительно уплотнился.

Несмотря на это, общая картина все-таки остается довольно характерной для складывающегося в стране режима воспроизводства гражданства – по-прежнему номинальные представления занимают значительное место в сознании студенческой молодежи, а содержательные компоненты, связанные с политическими объектами и ценностями, слабо репрезентированы.

Нужно отметить, что в процессе анализа также делалась попытка выявить различия выделенных групп по другим параметрам гражданства. За исключением чуть более выраженных политических ценностей и некоторых специфических видов политической активности у «индивидуалистов» и «республиканцев», значимых отличий найти не удалось. Это может свидетельствовать о достаточно произвольном характере выявленных представлений, отсутствии связи с другими компонентами гражданского сознания, что в свою очередь является следствием слабой репрезентативности и структурированности политического дискурса о гражданстве и дискурса о политическом гражданстве.

В целом использованный в двух исследованиях инструментарий способен измерять по крайней мере отдельные аспекты базовых представлений о гражданстве, которые невозможно «ухватить» методом свободных ассоциаций, поэтому он может быть востребован в эмпирических исследованиях при должной доработке с учетом специфических целей пользователей, в частности, может пригодиться при проведении мониторинга развития гражданского образования.

Список литературы

1. Бовина, И. Б. (2011). Стратегии исследования социальных представлений. *Социологический журнал*, (3), 5–23.
2. Кимлика, У. (2010). *Современная политическая философия: введение*. Москва: Издат. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики.
3. Максимова, Л. Ю. (2017). Эволюция феномена гражданства в контексте исторического развития западной Европы. *Вестник МГИМО–Университета*, (6), 40–63. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-6-57-40-63>
4. Малахов, В. С. (2013а). Гражданство как концепт и институт: что, как и зачем изучать. В В. С. Малахов, А. Ф. Яковлева (Ред.), *Гражданство и иммиграция: концептуальное, историческое и институциональное измерение* (с. 6–32). Москва: Канон+.
5. Малахов, В. С. (2013b). Трансформация гражданства в условиях

широкой иммиграции: концептуальный аспект. *Социологические исследования*, (6), 42–47.

6. Маленков, В. В. (2022). Патриотизм, гражданственность в политике и идентичности молодежи. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, (67), 120–131. <https://doi.org/10.17223/1998863X/67/11>

7. Малинова, О. Ю. (2004). Гражданство и политизация культурных различий. Размышления по поводу некоторых тенденций в англоязычной политической философии. *Полис. Политические исследования*, (5), 7–17.

8. Русакова, О. Ф., Хмелинин, А. А. (2012). Неoliberalный дискурс: стратегии и технологии конструирования новой субъектности. *Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН*, (12), 259–272.

9. Фан, И. Б. (2017). Либеральный дискурс гражданственности. *Дискурс-Пи*, 17(2), 170–173. <https://dx.doi.org/10.17506/dipi.2017.2.170173>

10. Фан, И. Б. (2018). *Политическая онтология российского гражданина: содержание против формы*. Екатеринбург: Урал. ин-т управления – филиал РАНХиГС.

11. Фан, И. Б. (2019). Западноевропейская модель национального гражданства в российских условиях. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, (52), 246–254. <https://doi.org/10.17223/1998863X/52/22>

12. Щербинин, А. И. (1997). Государь и гражданин. *Полис. Политические исследования*, (2), 159–171.

13. Conover, P., Crewe, I., & Searing, D. (1991). The Nature of Citizenship in the United States and Great Britain: Empirical Comments on Theoretical Themes. *The Journal of Politics*, 53(3), 800–832. <https://doi.org/10.2307/2131580>

14. Delanty, G. (1997). Models of citizenship: Defining European identity and citizenship. *Citizenship Studies*, 1(3), 285–303. <https://doi.org/10.1080/13621029708420660>

15. Isin, E. (2009). Citizenship in flux: The figure of the activist citizen. *Subjectivity*, (29), 367–388. <https://doi.org/10.1057/sub.2009.25>

16. Isin, E. F., & Turner, B. S. (2007). Investigating Citizenship: An Agenda for Citizenship Studies. *Citizenship Studies*, 11(1), 5–17. <https://doi.org/10.1080/13621020601099773>

17. Joppke, C. (2007). Transformation of Citizenship: Status, Rights, Identity. *Citizenship Studies*, 11(1), 37–48. <https://doi.org/10.1080/13621020601099831>

18. Krupets, Y., Morris, J., Nartova, N., Omelchenko, E., & Sabirova, G. (2017). Imagining Young Adults' Citizenship in Russia: from Fatalism to Affective Ideas of Belonging. *Journal of Youth Studies*, 20(2), 252–267. <https://doi.org/10.1080/13676261.2016.1206862>

19. Magidson, J., & Vermunt, J. K. (2004). Latent class models. In D. Kaplan (Ed.), *The Sage handbook of quantitative methodology for the social sciences* (pp. 175–198). Sage.

20. Mann, M. (1987). Ruling Class Strategies and Citizenship. *Sociology*, 21(3),

339–354.

21. Yuval-Davis, N. (1999). The 'Multi-Layered Citizen'. *International Feminist Journal of Politics*, 1(1), 119–136. <https://doi.org/10.1080/146167499360068>

References

1. Bovina, I. B. (2011). Strategii issledovaniya social'nyx predstavlenij [Specific of Approaches to Social Representations Analysis]. *Sociologicheskij zhurnal*, (3), 5–23. (in Russ.).
2. Conover, P., Crewe, I., & Searing, D. (1991). The Nature of Citizenship in the United States and Great Britain: Empirical Comments on Theoretical Themes. *The Journal of Politics*, 53(3), 800–832. <https://doi.org/10.2307/2131580>
3. Delanty, G. (1997). Models of citizenship: Defining European identity and citizenship. *Citizenship Studies*, 1(3), 285–303. <https://doi.org/10.1080/13621029708420660>
4. Fan, I. B. (2017). Liberal'nyj diskurs grazhdanstvennosti [The liberal discourse of citizenship]. *Diskurs-Pi*, 17(2), 170–173. (in Russ.). <https://dx.doi.org/10.17506/dipi.2017.27.2.170173>
5. Fan, I. B. (2018). *Politicheskaya ontologiya rossijskogo grazhdanina: sodержanie protiv formy* [Political ontology of the Russian citizen: content versus form]. Yekaterinburg: Ural'skij institut upravleniya – filial RANXiGS. (in Russ.).
6. Fan, I. B. (2019). Zapadnoevropejskaya model' nacional'nogo grazhdanstva v rossijskix usloviyax [The western European model of national citizenship in Russian conditions]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*, (52), 246–254. (in Russ.). <https://doi.org/10.17223/1998863X/52/22>
7. Isin, E. (2009). Citizenship in flux: The figure of the activist citizen. *Subjectivity*, (29), 367–388. <https://doi.org/10.1057/sub.2009.25>
8. Isin, E. F., & Turner, B. S. (2007). Investigating Citizenship: An Agenda for Citizenship Studies. *Citizenship Studies*, 11(1), 5–17. <https://doi.org/10.1080/13621020601099773>
9. Joppke, C. (2007). Transformation of Citizenship: Status, Rights, Identity. *Citizenship Studies*, 11(1), 37–48. <https://doi.org/10.1080/13621020601099831>
10. Krupets, Y., Morris, J., Nartova, N., Omelchenko, E., & Sabirova, G. (2017). Imagining Young Adults' Citizenship in Russia: from Fatalism to Affective Ideas of Belonging. *Journal of Youth Studies*, 20(2), 252–267. <https://doi.org/10.1080/13676261.2016.1206862>
11. Kymlicka, W. (2010). *Sovremennaya politicheskaya filosofiya: vvedenie* [Contemporary political philosophy: An introduction]. Moscow: Izdatel'skij dom Gosudarstvennogo universiteta – Vyshej shkoly e'konomiki. (in Russ.).
12. Magidson, J., & Vermunt, J. K. (2004). Latent class models. In D. Kaplan (Ed.), *The Sage handbook of quantitative methodology for the social sciences* (pp. 175–198). Sage.
13. Malakhov, V. S. (2013). Grazhdanstvo kak koncept i institut: chto, kak i

zachem izuchat' [Citizenship as a Concept and an Institution: What, How and Why to Study]. In V. S. Malakhov, & A. F. Yakovleva (Eds.), *Grazhdanstvo i immigraciya: konceptual'noe, istoricheskoe i institucional'noe izmerenie* (pp. 6–32). Moscow: Kanon+. (in Russ.).

14. Malakhov, V. S. (2013). Transformaciya grazhdanstva v usloviyax shirokoj immigracii: konceptual'nyj aspekt [Citizenship transformation under conditions of mass immigration -conceptual aspect]. *Sociologicheskie issledovaniya*, (6), 42–47. (in Russ.).

15. Malenkov, V. V. (2022). Patriotizm, grazhdanstvennost' v politike i identichnosti molodezhi [Patriotism, civicism in politics and identity of youth]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*, (67), 120–131. <https://doi.org/10.17223/1998863X/67/11> (in Russ.).

16. Malinova, O. Yu. (2004). Grazhdanstvo i politizaciya kul'turnyx razlichij. Razmyshleniya po povodu nekotoryx tendencij v angloyazychnoj politicheskoj filosofii [Citizenship and politicizing of cultural differences (reflections a propos of some tendencies in English-language political philosophy)]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (5), 7–17. (in Russ.).

17. Mann, M. (1987). Ruling Class Strategies and Citizenship. *Sociology*, 21(3), 339–354.

18. Maximova, L. Yu. (2017). E'volyuciya fenomena grazhdanstva v kontekste istoricheskogo razvitiya zapadnoj Evropy [Evolution of the phenomenon of citizenship in the context of historical development of the western Europe]. *Vestnik MGIMO–Universiteta*, (6), 40–63. (in Russ.). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-6-57-40-63>

19. Rusakova, O. F., & Hmelinin, A. A. (2012). Neoliberal'nyj diskurs: strategii i tehnologii konstruirovaniya novoj sub'ektnosti [Neo-liberal discourse: strategies and technologies for constructing of new subjectiveness]. *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*, (12), 259–272. (in Russ.).

20. Shcherbinin, A. I. (1997). Gosudar' i grazhdanin [The sovereign and the citizen]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (2), 159–171. (in Russ.).

21. Yuval-Davis, N. (1999). The 'Multi-Layered Citizen'. *International Feminist Journal of Politics*, 1(1), 119–136. <https://doi.org/10.1080/146167499360068>

Информация об авторе

Вячеслав Викторович Маленков, кандидат социологических наук, доцент, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2710-8022>, e-mail: vvmalenkov@gmail.com

Information about the author

Vyacheslav Viktorovich Malenkov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the University of Tyumen, Tyumen, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2710-8022>, e-mail: vvmalenkov@gmail.com